

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ

Парадигмальная загадка марксовской философии истории

Аннотация. Созданный Марксом исторический материализм, явившись величайшим для своего времени научным открытием, не утратил своего значения и сегодня. Благодаря ему господствовавшие во взглядах на историю хаос и произвол сменились, по выражению В.И. Ленина, «поразительно цельной и стройной научной теорией», отправным концептуально-формирующим пунктом которой становится понятие производительных сил и способа производства в целом. Альтернативной марксизму по универсальности и эффективности методологией исторического исследования общезнание не располагает в своем арсенале до сих пор, хотя на последующих этапах развития оно обогатилось многими ценными приобретениями. Вместе с тем, в концептуальном поле материалистического понимания истории к настоящему времени накопилось немало проблем, обусловленных как внешними по отношению к нему факторами, так и его собственной эволюцией в качестве методологического направления, задающего ориентиры социально-философским исследованиям.

Ключевые слова: революционный переворот в социальной философии, материалистическое понимание истории, методология, экономический детерминизм, объективный фактор истории, детерминация субъективного фактора, редукционизм, формальная логика, диалектическая логика, теория, гипотеза, формационная модель истории, деятельность-революционная модель истории, идеологизация, догматизация, экономическая мотивация, закономерность, гносеологический скептицизм, самокритика, ревизионизм, капитализм, посткапиталистическое общество, «царство необходимости», «царство свободы», диалектическое тождество объекта и субъекта, распрямление логики истории, роль личности в истории, постматериалистическая система ценностей.

Будучи в высшей степени оригинальной теоретической конструкцией, социальная философия Маркса с момента своего формирования и на протяжении всей последующей истории представляет собой обширное проблемное поле для разных воззрений. Даже теоретики из числа идеологических оппонентов Маркса при условии сохранения сколько-нибудь уважительного с их стороны отношения к принципам научного познания вынуждены считаться с потенциалом созданного им потенциала социальной теории.

Именно поэтому даже с учетом нынешней проблематизации многих, считавшихся ранее бесспорными теоретических положений, вряд ли можно согласиться с мнением академика Т.И. Ойзермана о том, что материалистическое понимание истории «все еще остается, скорее, наброском, изложением концептуального замысла, чем основательно разработанной теорией, проверенной, подтвержденной, конкретизированной специальными историческими исследованиями. Все попытки придать этой теории систематическую форму носили, -

пишет он, - как правило, учебно-методический и к тому же догматический характер, что исключало критическое рассмотрение ее основных положений».¹ Будучи следствием тотальной идеологизации, догматизация теоретического знания в советский период, безусловно, имела место, но это обстоятельство скорее *подтверждает*, чем опровергает доказательность «основных положений» исторического материализма. К тому же при таком подходе, свойственном, кстати, именно отечественным «доктринерам-идеологам», не учитываются нередко достаточно продуктивные «попытки» зарубежных («буржуазных») исследователей, совсем по-иному придававших «этой теории систематическую форму».

В XX столетии идея Маркса об определяющей роли материального производства продолжала оставаться неизменным объектом критики со стороны оппонентов, упрекающих его в сочетании якобы несовместимых (т.е. взаимоисключающих *по формально-логическому признаку*) положений об объективной закономерности исторического процесса, с одной стороны, и активных, при наличии свободы выбора, сознательно-целеполагающих действий людей, - с другой. В этой связи К.Х. Момджян замечает, что материалистическое понимание истории и поныне сохраняет свое значение, хотя и нуждается «в некоторых, порой существенных, коррективах». К сожалению, пишет он, даже «сами марксисты по-разному интерпретируют принцип материалистического понимания истории, не понимая порой, что речь идет не об одной-единственной идее, а о целой системе разноуровневых постулатов, взаимодополняющих, но не взаимозаменяющих друг друга. Чрезвычайно важно понять, что идея определяющей роли общественного бытия в отношении общественного сознания, идея первичности практики в отношении духовных и духовно-практических форм жизнедеятельности, идея определяющей роли экономического базиса в отношении надстройки отнюдь не совпадают друг с другом».¹ Целостность им придает «правильная локализация материального в человеческой деятельности» и «проблема получает, - по его словам, - свое решение, когда в качестве материального фактора начинают рассматривать не стихийно сложившиеся результаты *целереализации*, а инициальные факторы целепостановки».

Критериям социальной материальности с этой точки зрения, как подчеркивает Момджян, в полной мере соответствует только «*потребностная* детерминация»,

¹ Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 32.

поскольку именно продукты материального производства - «средства жизнеобеспечивающей адаптации - в человеческой истории являлись и до сих пор, к сожалению, являются предметом наиболее актуализированной потребности, от удовлетворения которой зависит не только *качество жизни*, но и сам ее *факт*». Поэтому есть все основания полагать, пишет он, что *определяющая* роль материального производства (приоритетность экономики), проявляясь в виде общеисторической закономерности, *будет воспроизводиться даже тогда*, когда *экономическая мотивация утратит* свое теперешнее значение.¹ Это обстоятельство важно подчеркнуть еще и постольку, поскольку ограничения, накладываемые экологическими императивами современной эпохи на показатели экономического роста, рассматриваются иногда в качестве аргумента, опровергающего продуктивность материалистического понимания истории.

Проблема сегодня нередко усматривается и в том, что материалистическая интерпретация исторического процесса базируется на анализе законов функционирования и развития *одной* общественно-экономической формации, что в свое время подчеркивал и сам Маркс. Данное обстоятельство используется как веский довод в пользу того, что о теории *общественных формаций* как таковой говорить не приходится. «Однако, - и это имеет, с нашей точки зрения, решающее значение, - капиталистическая формация явилась наиболее развитой ступенью развития общества, в которой, как в наиболее развитом состоянии вообще, в *явном виде выражены основные тенденции развития общества вообще, его наиболее общие законы*, прежде всего труда и собственности, скрытые ранее под религиозными, сословными, племенными и т.д. наслоениями. Таков вообще «закон» развития науки, которая открывает сущностные черты, законы явлений ² только на базе изучения их в развитом состоянии».¹ Вряд ли даже сегодня оправданы сомнения в том, что это - «образец научного анализа одной - и самой *сложной* - общественной формации по материалистическому методу, образец, - по словам Ленина, - всеми *признанный* и никем *не превзойденный*».² (Курсив мой. - М.К.).

Соглашаясь с этой оценкой, Т.И. Ойзерман, однако, именно поэтому полагает, что «исторический материализм, объясняющий характер и развитие общества, исходя из наличествующих в нем производительных сил и производственных отношений, *в несравненно большей мере* применим к исследованию капиталистического строя, чем к исследованию предшествующих ему типов

2 См.: Момджян К.Х. Рефлексивные парадигмы в социальной теории Маркса. С. 96, 97, 99.

общества».^{3 4 5} (Курсив мой. - М.К.). Такая позиция вызывает, мягко говоря, недоумение. «Пусть *не покажется* этот вывод *парадоксальным*», - предупреждает читателя Ойзерман, обходя парадокс стороной, т.е. не давая на этот счет вразумительных объяснений. В соответствии с отстаиваемой им позицией «исторический материализм выступает... как *методологическая теория*, указывающая пути и способы конкретного исследования исторического процесса, что предполагает анализ каждого исторического этапа, каждой страны, каждой степени ее развития с учетом ее специфических особенностей».⁶ Из приведенного высказывания следует, что автор отождествляет взаимодополняющие, но не совпадающие полностью уровни исторического знания. Решение вопроса о *полноте* исторически конкретного знания в рамках формационной социологии *в решающей степени* зависит от того, принимается ли «материалистическое понимание истории в качестве универсальной теории общественного развития» или объявляется «устаревшим». И в этом смысле достаточно очевидно, что диалектико-материалистическая методология применима к изучению докапиталистических типов общества ничуть не меньше, чем к классическому капитализму, ибо «вряд ли серьезно можно предполагать, что в капиталистической формации материальное бытие определяет общественное сознание, а в первобытно-общинном или рабовладельческом строе - наоборот».¹ «Если, - по словам В.И. Ленина, - применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу».^{7 8}

Несмотря на то, что Т.И. Ойзерман номинально идентифицирует себя не с противниками, а с последователями материалистического понимания истории

3 Орлов В.В. О материалистическом понимании истории

(Т.И. Ойзерман.

Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы / Вопросы философии. 2001. № 2.) // Философия и общество. 2002. № 4. С. 142-143.

4 Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?// ПСС. Т. 1. С. 140.

5 Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы. С. 30.

6 Там же. С. 32.

7 Орлов В.В. Указ. Соч. С. 143.

8 Ленин В.И. Указ. Соч. С. 143.

(выявляя не только его «минусы», но и «несомненные достоинства»), он весьма сдержан в оценке его методологического потенциала и применительно к отдаленной исторической перспективе. «Вопрос о том, является ли исторический материализм столь же плодотворным методом исследования посткапиталистического общества, - пишет он, - является, как мне представляется, открытым, подлежащим обсуждению вопросом, поскольку развитие производительных сил все более и более порождает угрожающие существованию человечества негативные последствия, которые уже в настоящее время вызвали планетарный экологический кризис, преодоление которого, по убеждению многих исследователей, предполагает существенные ограничения экономического роста».⁹ Но, хотя, вопрос этот еще только «подлежит обсуждению», по его же словам, «теория исторического процесса *теряет былое самодовлеющее значение*, она обосновывает метод исследования, который представляет собой не просто набор исследовательских приемов, а теоретическое обобщение исторического опыта, остающееся всегда незавершенным, ибо *история продолжается*, и ее новые результаты *не предопределены* предшествующим развитием, так как историческая необходимость *всегда предполагает различные возможности*, а, значит, и альтернативы».¹⁰ (Курсив мой. - М.К.)

Следуя логике витиеватых рассуждений экс-марксиста Т.И. Ойзермана, на основании незавершенности теоретически обобщаемого исторического опыта приходится признать, что философские положения обречены оставаться в ранге *гипотез*. Вряд ли такая позиция, именуемая гносеологическим скептицизмом, способна обогатить и продвинуть философское учение об обществе. Современный мир стремительно меняется на наших глазах, но «пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации - именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. - другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, - до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки».¹

Вызывает, по меньшей мере, удивление то, что, будучи марксистом-исследователем с огромным стажем, Ойзерман, не отрекаясь от социальной

9 Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы. С. 30.

10 Там же. С. 32.

философии марксизма на словах, осуществляет фактически, по выражению В.В. Орлова, «*тривиализацию*» ее положений в духе, несовместимом с диалектической логикой. Он, правда, допускает в *перспективе* абстрактную возможность «творческого развития этого учения», но последнее замечание не избавляет от резонных возражений по поводу того, что он именует присущими учению Маркса «содержательными заблуждениями» (словосочетание, кстати говоря, явно отдающее тавтологией, если учитывать *диалектическую* природу как истины, так и заблуждения). В его рассуждениях «самым слабым звеном» выступает явная недооценка используемого Марксом диалектического метода. Те противоречия, на которые он обращает внимание, носят чаще всего диалектический, а не *формально-логический* характер, т.е. перерастают рамки «допусков» по формально-логической системе критериев. Их *развивающаяся* сущность просто не улавливается формализованным знанием, а игнорирование этого обстоятельства указывает уже не просто на «заблуждения», а на роковые ошибки самого Т.И. Ойзермана.

В.Г. Федотова, принимавшая участие в обсуждении изданной в 2003 г. монографии Ойзермана «Марксизм и утопизм», обращает внимание на то, что в ней «не хватает... размышления на тему, почему учение XIX века оказалось столь значимым для XX века».^{11 12} Действительно, без ответа на этот кардинальный вопрос, связанный с выявлением логики развития марксизма, большую часть остальных Ойзерману приходится относить к разряду «поставленных, но не решенных проблем». Свое отношение к марксизму ветеран отечественной марксистской историографии именует «самокритикой», «ибо оно возникло в лоне самого марксизма». Фактически же он во многом наследует лавры «духовного отца» ревизионизма, в отношении к которому, кстати говоря, проявилась, как он полагает, «весьма односторонняя, несомненно, пагубная по своим историческим последствиям оценка». Диалектическое понимание сущности марксизма «повисает в воздухе», выносятся, что называется, «за скобки» теоретического анализа.

Между тем, важно учитывать, что уже характер переосмысления Марксом и Энгельсом *деятельной* стороны исторического процесса продемонстрировал диалектическое отрицание идеалистически понимаемой активности субъекта, с одной стороны, и «материалистической» созерцательности, - с другой: свойственный

11 Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? С. 140.

12 Федотова В.Г. Препринт выступления / Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 64.

всей домарксовской философии идеализм проявлялся в том, что «при таком подходе историю всегда должны были писать руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом».¹

Несмотря на очевидные недостатки гегелевской философии истории, она содержала рациональные зерна, которые, будучи брошенными на почву материалистического понимания истории, дали пышные всходы. Маркс отбросил присущую ей телеологическую детерминацию в виде «хитрости мирового разума», «всеобщей идеи», которая «остаётся недостижимой и невредимой на заднем плане». Ему, безусловно, удалось разорвать тот порочный круг, в котором оказался Г.В.Ф. Гегель. Ведь у Гегеля и народы, и индивиды, включая «героев», вынуждены, не отдавая себе в том отчета, подчиняться отчужденной от них в лице мирового разума необходимости (оставаясь в то же время в ее «царстве») и, следовательно, не становятся подлинными «творцами» (субъектами) исторического процесса. Но и сам «творец», в свою очередь, не является действующим лицом, поскольку лишь неустанно *контролирует* ход истории, не вмешиваясь в его протекание.

Революционный переворот в социальной философии в значительной мере облегчался тем, что эта, по выражению Энгельса, «насильственная конструкция» в качестве *единственного* механизма своей реализации «использует естественную причинность - только обычные и естественные, к тому же, как ¹³ правило, недобрые чувства, мотивы и стремления людей», и ничего не добавляет к объяснению событий. По замыслу Гегеля, предположение о том, что «разум правит миром и что таким образом он господствовал и во всемирной истории», должно «лишь в конце вытекать как *результат*». (Курсив мой. - М.К.) Это положение, если устранить налет провиденциализма, вполне соотносится с высказыванием Энгельса о том, что в истории «конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей», а равнодействующую всех «параллелограммов сил» «можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*».¹ В философии истории Маркса диалектика перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» раскрывает условия и конкретно-исторические предпосылки реализации этой объективной закономерности социального прогресса, т.е. приобретает концептуальные очертания, уже не ограниченные исключительно сферой сознания (и, как следствием этого, - неизбежными «насильственными конструкциями»). Анализ внутренней

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 38.

противоречивости социальной реальности позволил, тем самым, впервые внятно ответить на вопрос: *действительно ли люди сами творят свою историю?*

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.) Маркс раскрывает тайну того оптического эффекта, в фокусе которого «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». По его словам, до тех пор, пока еще не сложилась «новая общественная формация», ее новоявленные «герои» не могут обойтись без извлекаемых из прошлого атрибутов «старой революции».^{14 15} Последние оказываются востребованными «не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак», а для «возвеличения в воображении» новой по *форме* своего проявления классовой борьбы.

Маркс *противопоставляет* в этой связи грядущую революционную эпоху (по его терминологии, «социальную революцию XIX века») всем прежним, но пафос категорического неприятия «суеверного почитания старины» составляет лишь часть того «содержания», которое он вкладывает в формулируемую им закономерность всемирной истории. Ее *оборотной* стороной является утверждение гораздо более глубокого измерения эпохальных исторических событий. Их «основательность» предполагает как раз то, что находится в *видимом противоречии с феноменологическим срезом происходящего и потому не улавливается общественным сознанием*. «Люди сами делают свою историю, - подчеркивает он, - но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого».¹

Все дело, следовательно, в том, что апелляция к символике «давно минувших дней», будучи актом *сознательного выбора*, порождает *иллюзию* полной контролируемости и вседозволенности по отношению к «предыстории», в то время как *от наследия прошлого в виде достигнутой ступени развития производительных сил невозможно избавиться даже при самом радикальном его отрицании*. Более того, добавим от себя, чем радикальнее (в качестве одномоментного акта) проявляется такого рода «зряшное» отрицание, тем менее очевидны его *позитивные* результаты. Проблема поэтому в том, *как именно* к пройденным историей этапам относиться, причем не только «в воображении», но и

14 Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху, 21-22 сентября 1890 г.// К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т 37. С.395 - 396.

15 См.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т 8. С. 119, 120.

на практике.

В анализе проблемы детерминации субъективного фактора, как и в целом ряде других познавательных ситуаций, возникает реальная опасность подмены видимостью сущности. Гораздо логичнее, на первый взгляд, рассуждая о механизме и направленности исторического процесса, исходить из приоритетности ныне здравствующего субъекта, т.е. живых, действующих индивидов, чем признавать таковую применительно к объективным, но безликим социальноэкономическим условиям в виде кристаллизовавшихся отношений между людьми в сфере производства материальных благ и его наличных результатов. Однако непонимание природы диалектического тождества субъекта и объекта, предполагающего их *взаимопереход*, ведет к неоправданным выводам.

Поскольку выстроить развернутую внутренне противоречивую цепочку в логике механизма социальной детерминации достаточно сложно, возникает искушение либо, как поступали до Маркса, ограничиваться объяснением «практики из идей», либо, напротив, «выводить» *непосредственно* из экономических условий конкретной эпохи явления духовной жизни или, по меньшей мере, некоторые из них, в частности, историю философий и религий. Такая установка еще при жизни основоположников послужила поводом для ошибочного наречения нового учения «экономическим материализмом» или, в еще более неадекватной форме - ¹⁶ «экономическим детерминизмом». Между тем, приписываемая Марксу в виде т.н. «экономического детерминизма» философская позиция ничем не отличается от лапласовского *механистического* детерминизма (отождествления причинности с необходимостью) и потому ее претензии на научность оправданы не в большей степени, чем попытки убедить в несостоятельности универсальной диалектико-материалистической методологии.

Как позитивная, так и негативная тенденциозность в интерпретации «экономического детерминизма» настолько глубоко укоренилась даже в высокопрофессиональном сообществе «самокритических» марксистов, что благополучно дожила до наших дней. Справедливо связывая ее с вульгарным социологизмом, Т.И. Ойзерман, однако, полагает, «что корни этой концепции таятся в марксистском понимании экономического базиса».

Для иллюстрации такого рода «корней» часто приводится сформулированный основоположниками в «Немецкой идеологии» с неоправданной, на первый взгляд,

¹⁶ Там же. С. 119.

категоричностью тезис о том, что «мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания» не имеют собственной истории и собственного развития. Эта гротескная *по форме* своего выражения мысль преследует цель подчеркнуть определяющую роль способа материального производства, которая ранее не принималась во внимание вообще. *В содержательном* же отношении ее не следует понимать буквально (как, впрочем, и некоторые другие, типично философские высказывания): за *видимостью абсолютной* самостоятельности политического и духовного процессов материалистический подход улавливает их принадлежность социальному *целому* и «вписывает» в *общую* логику его движения.

В письмах 80-х - первой половины 90-х гг. Энгельс, как известно, объясняет причины предпринятого смещения акцента. По его словам, вместе с Марксом они стремились прежде всего подчеркнуть отвергаемый противниками «главный принцип» исторического материализма. Однако даже в том случае, когда он *как будто* «признает», - по словам Т.И. Ойзермана, - что он и Маркс, создавая свое учение, в известной мере преувеличивали роль экономических отношений в развитии всех других сторон общественной жизни», это, строго говоря, совсем не так, как пытается реинтерпретировать Т.И. Ойзерман. Последний выдает желаемое за действительное, поскольку Энгельс «вину» видит только в том, что «не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное» внеэкономическим факторам, а вовсе не в том, что, подобно «молодежи», они с Марксом придавали «*больше значения* экономической стороне, чем это следует». (Курсив мой. - М.К.)

Во всяком случае, утверждение о том, «что экономический момент является будто бы единственно определяющим», превращается, по выражению Энгельса, «в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу», которая может принадлежать только комментаторам, настойчиво пытающимся оторвать исторический материализм от реальной человеческой истории. Теория может быть правильно понята только в том случае, если она применяется на практике, и Энгельс подчеркивает, что, «как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки». ¹ С учетом отмеченных выше обстоятельств мы находим в отечественной литературе и вполне адекватное объяснение первоначальной «резкости» формулировок. ^{17 18} По справедливому замечанию И.А. Гобозова, было бы

¹⁷ Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху, 21 - 22 сентября 1890 г. С. 396.

ошибочным отождествлять детерминанту с доминантой: «Экономика *детерминирует* весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития все остальные сферы могут выступать в качестве *доминанты*, т.е. могут играть господствующую роль».¹⁹

С ходячими упреками по поводу т.н. «экономического детерминизма» в адрес исторического материализма нельзя, таким образом, согласиться уже постольку, поскольку используемые Марксом теоретические абстракции моделируются путем *опосредованного выведения* их из сферы материальных производственных отношений с учетом отмеченной выше *неоднозначной* зависимости между всеми сферами общественной жизни. «Недостаток» же материалистического понимания истории усматривают в *сведении* многообразия мировой истории к экономическому фактору, упрощающему и искажающему ее безжизненными абстракциями. Следовательно, корректнее было бы говорить не о детерминизме, а о *редукционизме*, но в этом случае абсурдность обвинения становится гораздо очевиднее. Здесь мы сталкиваемся с неприятием и специфики философских абстракций, и метода восхождения от абстрактного к конкретному, и философского типа мышления в целом, занятого поисками *предельных оснований* социального бытия.

Способ производства и является своеобразной «точкой отсчета» в задаваемой материалистическим пониманием истории системе координат, т.е. исходным, а не конечным пунктом социально-философского анализа. Весьма показателен, к тому же, и тот факт, что, обосновывая решающую роль материального производства в общественном развитии, Маркс связывает преодоление форм личной и вещной зависимости индивида и достижение нового типа свободы именно с *выходом за его пределы*.

Приоритетность принципа материалистического монизма раскрывается через категорию деятельности, которая не просто дополняет материалистическое понимание истории, а составляет один из его существенных моментов. Включение «деятельностной» проблематики в структуру исторического материализма позволяет, не нарушая его концептуальной целостности, перейти на значительно более конкретный уровень изучения истории, где выделяется собственно

18 В частности, оно представлено в учебном пособии по философии истории под редакцией профессора А.С. Панарина. См.: Философия истории: Учеб. пособие. М., 2001. С. 392-393.

19 Гобозов И. А. Парадигмальный характер материалистического понимания истории // Карл Маркс и современная философия. С. 121.

социологическое знание. В этой связи в философской литературе советского периода активно обсуждалось предложение о том, чтобы она получила статус *исходной* категории исторического материализма, «становясь тем самым отправным пунктом теоретического воспроизведения исторического процесса».¹ В качестве коренной движущей силы истории марксизм выделяет деятельность материально-производственную, а также социально-преобразующую и духовную, причем *«граница между объективным и субъективным факторами проходит не по линии материально-производственная деятельность, с одной стороны, социальная, политическая и духовная деятельность, с другой стороны, и не по линии стихийная - сознательная деятельность. Она лежит в другой плоскости и проходит по линии опредмеченная деятельность (в форме бытия) - живая деятельность (в форме беспокойства, «Unruhe»)»*^{20 21}

В структуре движущих сил исторического процесса опредмеченная деятельность выявляет основную, магистральную линию развития на том или ином этапе, - линию, в которой воплощена объективная историческая необходимость, выражающаяся в закономерной смене общественных формаций и их фаз. Поэтому в качестве объективного фактора она, в конечном счете, детерминирует фактор субъективный. Однако эта детерминация осуществляется в парадоксальной ситуации все более очевидного *возрастания роли субъективного фактора в общественном развитии.*

Содержание этого противоречия, составляющего **парадигмальную загадку марксовой философии истории**, далеко не всем последователям Маркса, не говоря уже о противниках, удается *диалектически* интерпретировать. Трансляция его за пределы социально-философской экспликации (где оно представлено в корреляции формационной и деятельностной парадигм) в сфере классовых отношений создает очередную методологическую «ловушку», поскольку

²⁰ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.,1981. С. 19. См. также: Батищев Г.С. Общественно-историческая, деятельная сущность человека // Вопросы философии. 1967. № 3; Ильенков Э.В. Субстанция // Философская энциклопедия. М. 1970. Т.5; Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М.,1973; Каган М.С. Человеческая деятельность. М.,1974; Воронович Б.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. М.,1975; Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма. М., 1981 и др.

²¹ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. С. 232.

идеологически-однозначный подход к его разрешению строится уже не на диалектическом, а на *формально-логическом* основании. Речь идет о том, что по правилам формально-логической экспликации истинность одной из взаимоисключающих посылок означает ошибочность другой.

Неприменимость подобного подхода по отношению к рассматриваемым парадигмам на уровне социально-философского анализа сомнений не вызывает, так как ведет к отказу от материалистического понимания истории. Однако материализуемая в субъективном факторе как живой, непосредственной деятельности, направляемой сознанием и волей, деятельностно-революционная парадигма в ее *идеологической* проекции способна утрачивать свою детерминированность формационно-образующими параметрами. Ее *относительная*, теоретически рефлекслируемая самостоятельность, экстраполируемая сквозь призму классовых интересов, может приобретать гипертрофированное значение, если отсутствует требуемая корректировка идеологического и научного компонентов. Роль объективных условий в практике революционной борьбы сводится в этом случае к изменениям главным образом в социально-политической сфере, в частности, к нежелательной или, напротив, благоприятной расстановке классовых сил. В итоге, как это имеет место в ленинской теории социалистической революции, зрелость объективных предпосылок для ее осуществления исчерпывается наличием признаков революционной ситуации, а организованность и решительность действующего субъекта ставятся во главу угла, выполняя «компенсаторную» функцию по отношению к недостающим материально-техническим предпосылкам.

Корреляция субъективного и объективного факторов являет собой, таким образом, подвижное, динамическое равновесие, т.е. в конкретной исторической ситуации не исключает возможности *решающего* воздействия активных усилий субъекта. Субъективный фактор, следовательно, способен (и в этом выражается его относительная самостоятельность) выступать двигателем социальных изменений и *вопреки распредмечиваемой логике истории*, но в итоге все опять возвращается «на круги своя», как бы далеко эти действия ни заходили. В механизме социальной детерминации, однако, нет ничего телеологического, поскольку его понимание заключено в расшифровке «текущей» целеполагающей деятельности самого субъекта. В интересующем нас отношении проблема заключается в следующем: означает ли возрастание роли субъективного фактора столь же закономерное

повышение статуса отдельной (выдающейся) личности и каким образом отражается «живая», непосредственная деятельность на значимости объективных условий в процессе реализации социальных преобразований?

Достаточно полный, хотя и не исчерпывающий ответ на первую часть этой комплексной проблемы мы находим в статье Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.) «Отец» русского марксизма, настаивая на относительности понятия выдающейся личности, тем не менее, не только не исключает, но вполне допускает ее исключительное порой влияние на индивидуальную физиономию событий. В определенном диапазоне, задаваемом общим направлением исторического процесса, от интеллектуальных и морально-волевых качеств выдающегося деятеля зависит очень многое, поскольку он «является именно начинателем,.. видит дальше других и хочет *сильнее* других». ¹ Но в любом случае он не всемогущ и выступает, в конечном счете, лишь выразителем осознаваемых им в той или иной мере общественных потребностей.

Востребованность в неординарных способностях отдельной личности особенно велика в переживаемых обществом кризисных состояниях. В общеисторическом же измерении, учитывая постоянно повышающийся уровень теоретического сознания и культуры «народных масс», можно говорить о тенденции *возрастания числа* «выдающихся» личностей (и, соответственно, усиливающейся «конкуренции» между ними), что ведет, в свою очередь, к ²² снижению «удельного веса» каждой из них *в отдельности* в структуре субъективного фактора при одновременно *возрастающей* роли последнего в истории. Что же касается объективной зависимости субъективного фактора от наличного способа производства, то она, как было отмечено выше, не становится менее значимой даже в условиях перехода к т.н. *постматериалистической* системе ценностей. Указывая на недопустимость недооценки объективного и *преувеличения* роли субъективного фактора, встречающейся в научной литературе, Л.И. Чинакова отмечает, что мы не только «имеем дело с *неравными в генетическом и функциональном отношениях частями причины*», но и вызревание их применительно к тем или иным социальным преобразованиям «происходит *неравномерно. Асимметрия* сторон данного противоречия порождает то внутреннее напряжение, которое делает это противоречие важнейшим источником и движущей силой исторического процесса». ¹ (Курсив мой. - М.К.)

22 Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т.И. С. 333.

Диалектически противоречивое соотношение объективного и субъективного факторов проецируется, соответственно, в плоскости формационного и деятельностного аспектов изучения истории, которые в отечественной литературе советского периода совершенно правомерно рассматривались в качестве относительно самостоятельных уровней обобщения социальной действительности. Трактовка исторического материализма как **философской** и в то же время (но в ином отношении) **общесоциологической** теории разделялась в то время большинством специалистов.^{23 24} Отвлекаясь от нынешних конъюнктурных колебаний в области методологии социального познания, нельзя не согласиться с тем, что философский уровень обобщения позволяет выявить родовую сущность и специфику общества как социальной формы движения материи. Утверждая принцип социального детерминизма, этот подход является, следовательно, исходным, основным, решающим, главным.

Достижение такого уровня анализа общественной жизни становится возможным лишь за счет отвлечения от субъекта деятельности. «Однако, - по справедливому замечанию В.Ж. Келле, - смысл этого абстрагирования от субъекта в истории как раз и состоит в том, чтобы использовать познанные таким путем законы, открытую наукой материальную основу человеческой деятельности для объяснения самой этой деятельности, для понимания субъекта деятельности в истории».¹ Хотя объективный исторический смысл деятельности может быть понят не из нее самой, а из материальных общественных отношений людей, последние, в свою очередь, по словам Маркса, «суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность».

Для решения вопроса о том, в какой степени деятельность субъекта обусловлена наличными обстоятельствами, факторами социального бытия и, в свою очередь, способна на них влиять, Маркс использует и формационную и деятельностную парадигмы, но с существенной оговоркой. Наибольшую актуальность рассматриваемая проблема имеет, естественно, не в ретроспективной, а в *перспективной* проекции. При этом, в зависимости от того, какую сторону противоречия считать ведущей, возможны два принципиально отличных варианта ее

²³ Чинакова Л.И. Социальный детерминизм: Проблема движущих сил развития общества. М., 1985. С. 103-104.

²⁴ См., напр.: О структуре марксистской социологической теории. М., 1970; Чесноков Д.И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973; Уледов А.К. Социологические законы. М., 1975; Рабочая книга социолога. М., 1976; Момджян К.Х. Концептуальная природа исторического материализма. М., 1982; Фурманов Р.Л. Исторический материализм как общесоциологическая теория. М., 1979; Ядов В.А. Предмет и структура марксистско-ленинской социологии. М., 1972 и др.

решения.

В рамках формационной модели, распространяемой на область пройденной человечеством истории, утверждается естественноисторический характер происшедших преобразований, а деятельность субъекта в целом достаточно «плавно» вписывается в логику исторического процесса. Что касается ближайшего и отдаленного будущего, то для рефлексии широко используется иная - деятельностно-революционная парадигма. Подчеркивая роль субъекта исторического действия, она конституируется в теорию научного социализма в виде одной из «составных частей» марксова учения в целом. Именно с нею марксизм чаще всего и отождествляется. Противоречие между деятельностным и формационным аспектами анализа отчетливо проявилось в том, что идея *естественноисторического* развития буржуазного общества постоянно сталкивается с проекцией преждевременного, а, значит, с гипертрофией насилия связанного преобразования его в угоду классово-политическим приоритетам. В конечном счете, уже в период считавшейся «реализованной» исторической «миссии пролетариата» собственно формационная теория оказалась не востребованной в полной мере, отодвинутой фактически на периферию социально-философского знания, хотя официально никто из марксистов ортодоксального толка ее значения не умалял.²⁵

И формационная, и деятельностная модели изучения истории, взятые в отдельности, являются, разумеется, заведомым упрощением. Однако их дифференциация допустима и даже оправдана постольку, поскольку с ее помощью удастся принципиально различным образом расставить акценты в решении проблемы субъективного фактора и социальной детерминации. В то же время не следует упускать из виду и момент связи, а именно то, что каждая из них включает в свое содержание противоположную в диалектически «снятом», т.е. подчиненном и преобразованном виде. В этом смысле формационная парадигма, предполагающая вынесение индивида «за скобки», выявляет логику истории как продукт экспликации теоретическим сознанием некоторой «равнодействующей» (по терминологии Энгельса), складывающейся из результатов «живой» (т.е. непосредственной) *деятельности людей*. В свою очередь, в рамках деятельностной парадигмы при обобщенной, обезличенной интерпретации *субъекта* учитываются лишь

25 Келле В.Ж. Исторический материализм и проблема деятельности // Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма. М. 1981. С. 8.

исторически значимые параметры его деятельности, образующие *способ социального бытия* в его историческом развитии.

Выходя за пределы философской интерпретации, деятельностная парадигма приобретает самодовлеющее значение и перерастает в теорию научного социализма, объявляющую революционное переустройство общества задачей если не сегодняшнего дня, то ближайшего будущего. Социальнополитический аспект теоретического знания, таким образом, *накладывается* на социально-философский и в известном смысле *подчиняет* его себе.

Вместе с тем, будучи самодостаточной в идеологическом формате, деятельностно-революционная парадигма при жизни основоположников *не абсолютизируется*. Генезис теоретической рефлексии носит в этот период методологически продуктивный характер. На завершающем этапе деятельности Маркса и особенно Энгельса идеологическое смещение в сторону артикулированной «диктатуры пролетариата» было даже приостановлено, потеряв прежнюю форму предельной радикализации. Об этом свидетельствуют высказывания основоположников, в которых не исключается возможность прихода пролетариата Западной Европы к власти мирным путем на основе парламентской демократии, а также вывод Энгельса о недостаточной зрелости материальнотехнических предпосылок революции. Следует ли отсюда, как полагает Т.И. Ойзерман, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями превратилось «в некую мифологему», в соответствии с которой Энгельс и марксисты XX века «продолжали заблуждаться относительно *исторических перспектив* капитализма»? ¹ Разумеется, нет. «При всей кажущейся парадоксальности, - справедливо отмечает Ю.К. Плетников, - капитализм идет по пути своего самоотрицания». ²

Освобожденное от субъективизма, философское прочтение Маркса допускает и даже предполагает совсем иную версию интерпретации базисных положений его учения. В эпистемологическом плане гипертрофированный преобразовательный активизм, представленный в содержании теории научного социализма, можно объяснить как естественную *реакцию отторжения созерцательности домарксовского материализма*. Материалистически понимаемую активность исторического субъекта идеология стремится возвести в ранг *абсолютной истины* и лишь позднее, в свете происходящих социальных изменений, становится возможными ее корректировка и адекватная оценка.

В статусной субординации формационной и деятельностной парадигм, образующих структуру социальной философии марксизма, определяющая роль принадлежит *формационной*, которая задает алгоритм и определяет характер, способ и содержание деятельности, состав действующих социальных субъектов. *Деятельностная* парадигма, в свою очередь, выражает активное начало, свойственное носителю действия. В качестве теоретической проекции движущих сил исторического процесса они не могут рассматриваться *в отрыве друг от друга*, будучи *соотносительными* в рамках социально-философского знания.

Однако на разных этапах новой и новейшей истории на уровне социально-философской рефлексии мы сталкиваемся с различными их комбинациями, вплоть до взаимного отчуждения, как это было в советский период. Можно сказать, что тогда их взаимодействие фактически представляло собой не плодотворный союз метамоделей, а своего рода «брак по расчету».

1 Ойзерман Т.И. честности.
С. 29, 30, 32.

2 Плетников Ю.К. Будущее

Самокритика марксизма - категорический императив
интеллектуальной социализм. Новые черты современной эпохи. М.,
2000. С.5